

DOI: 10.31857/S086904992203008X
EDN: EXSDPE

Оригинальная статья / Original Article

«Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке

© В.И. СПИРИДОНОВА

Спиридонова Валерия Игоревна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), vspirid@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6774-7203

Кризис неоллиберальной парадигмы развития, который привел к разочарованию в западных ценностях, а также отказ крупнейших восходящих мировых держав – Китая, Индии и России – от притяжения универсалистской европейской модели модернизации в форме «государства-нации» привел к формированию новой концепции политического устройства – «государства-цивилизации», или, согласно другой формулировке, «цивилизационного государства». К настоящему моменту приверженность идее «цивилизационного государства» высказали такие страны, как Китай, Индия, Россия, Турция и Египет. Каждая из них демонстрирует собственные основания для такого выбора, исходя из особенностей социально-исторического развития. Помимо перспективы внутренней консолидации, концепция «цивилизационного государства» способствует преобразованию культурно и ценностно близких стран в макрорегиональные союзы, которые образуют пространства «мир-цивилизаций». Данная тенденция – предвестник нового абриса мирового порядка не только как состояния многополярного мира, но и как многоцивилизационного.

Ключевые слова: кризис, неоллиберализм, государство-нация, цивилизация, государство-цивилизация, мир-цивилизация

Цитирование: Спиридонова В.И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. № 3. С. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE

“Civilization-state” as a New Formula of Existence in the XXI Century

© V. SPIRIDONOVA

Valeria I. Spiridonova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
vspirid@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6774-7203

Abstract. The crisis of the neoliberal development paradigm caused disappointment in Western values. At the same time the largest rising world powers – China, India and Russia – refused to accept the universalist European model of modernization in the form of a “nation-state”. Both of these facts led to the formation of a new concept of political structure – a “civilization-state”, or, according to another formulation, a “civilizational state”. Today, such countries as China, India, Russia, Turkey and Egypt expressed their commitment to the idea of “civilization-state”. Each of them demonstrated its own grounds for such a choice based on the peculiarities of their socio-historical development. In addition to the prospect of internal consolidation, the concept of “civilizational state” promotes the transformation of culturally and value-linked countries into macro-regional unions, forming big spaces of “world-civilizations”, which is a harbinger of a new outline of the world order not only as a multipolar world, but also as a multi-civilizational one.

Keywords: crisis, neoliberalism, nation-state, civilization, civilization-state, world-civilization

Citation: Spiridonova V. (2022) «Civilization-state» as a New Formula of Existence in the XXI Century. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE

Три десятилетия кризисного существования России в конце XX – начале XXI в. в стране проводилась попытка радикальной смены экономической, политической и социальной парадигмы, а также приобщения к неолиберальному стандарту. В результате сформировалась ситуация, которая неоднократно имела место в ее истории – возникла необходимость сконцентрировать все силы на восстановлении и укреплении своей цивилизационной субъектности. Самой яркой исторической аналогией такого состояния называют период после поражения в Крымской войне, когда России, как и ныне, противостоял весь коллективный Запад. Она вынуждена была сконцентрироваться на стратегии цивилизационного сосредоточения по известной формуле А.М. Горчакова: «Россия не сердится. Россия сосредотачивается». Реформы начала XX в. также требовали аккумуляции усилий, квинтэссенция которых выразилась в вошедших в историю словах П.А. Столыпина: «Дайте Государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Эта установка получила свое продолжение после революции 1917 г., когда политическая реальность была определена как необходимость так называемой ленинской «передышки».

Как в предшествующие периоды, так и сегодня, два главных фактора – внешнее давление сильных мировых держав и внутреннее экономическое неустройство – ставят перед страной задачу цивилизационного сбережения с акцентом на сохранении ядра самобытной системы ценностей. Анализируя современную стратегию России, профессор международных отношений и политических наук Калифорнийского университета А.П. Цыганков указывает, что сегодня важно сохранить витальную силу цивилизационного ядра, «используя уже введенные в общенациональный дискурс идеи “государства-цивилизации”»

и консервативной державы» [Цыганков 2017]. Как он замечает далее, «цивилизационщиков отличает от западников и державников убежденность в том, что основной источник процветания и развития находится в нас самих, а не в достижениях западной культуры» [Цыганков 2017]. Данная стратегия, однако, не означает приверженности политике самоизоляции, отказа от активного взаимодействия с миром, свободного заимствования – тем не менее при данных факторах сохраняются собственные цивилизационные основания.

Возвращение цивилизационного дискурса

С 2010-х гг. в мировой политической риторике начала утверждаться концепция «государства-цивилизации», которая первоначально формировалась как антитеза европейской модели «национального государства». Отторжение идеи «национального государства» современными восходящими экономиками – такими как Китай, Индия, Россия и др. – связано с негативными воспоминаниями либо о колониальном прошлом этих стран, либо о чрезмерном давлении Запада, который продвигал модель государства-нации в качестве универсальной и безальтернативной для всего остального мира. Наиболее полно осознали преимущества пересмотра данной идеи китайские исследователи. Так, один из ведущих американских ученых в области китаеведения Л. Пай, отмечая, что китайская теория и политическая практика на протяжении многих лет находились под «прессом западной ментальности», писал: «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать собой национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX в.» [Cho 2009]. Сходной позиции придерживается индийский историк Р. Кумир, который указывает на насильственные попытки Британии переформатировать паниндийское пространство. Современная идентичность Республики Индия должна определяться в терминах «цивилизационного государства», заявляет он [Kumar 1993]. Что касается России, она обратила внимание на эту концепцию, когда страна разочаровалась в возможности выстраивать равноправные отношения с Западом, а также возникла угроза суверенному существованию страны.

Более глубокий анализ показывает, что современная инициатива по преодолению европейской универсалистской парадигмы развития связана не только со стремлением стран, которые считают себя тысячелетними цивилизациями, выйти за рамки навязанной извне модели национального государства. Дело и в императиве расширить само понимание цивилизаций и цивилизационного развития, которое до сих пор воспринимают как «европейское самоназвание», тождественное западному состоянию общества. Термин «цивилизация» в большинстве случаев продолжает подразумевать, что Запад представляет собой уникальную вершину человеческого развития, которая маркирует его отличие от «варварства» и «дикости» остального мира.

В XX в. распространились произведения Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Ф. Броделя, которые перевели дискурс о цивилизациях во множественное число и показали, что этот феномен связан с древними устойчивыми культурными конфигурациями. Соответственно, стало возможным размышлять о цивилизациях как о полноправных инструментах теоретического анализа, а в практической политике – говорить о перспективах «цивилизационных государств» в качестве политических проектов. Сегодня западные аналитики, хотя и считают новые концепции и проекты «цивилизационного государства» политическими изобретениями, экстраполируя на них идеи Б. Андерсона о «воображаемых сообществах», вынуждены признать значимость идеи «государства-цивилизации» для ведущих стран незападного мира. Согласно рассуждениям известного норвежского

исследователя, профессора Кембриджского университета Й. Тернборна, «государства-нации» были продуктом европейского модерна, и в этом отношении развитые европейские государства в отдельности могут быть «национальными государствами», но никак не «цивилизационными государствами», что вполне приемлемо, например, для таких стран, как Китай и Россия [Therborn 2021, 234]. Отсюда, начинают признавать не только право западных стран на особую форму политического существования, но и то, что у них есть определенное преимущество в плане преемственности с собственной длительной социально-политической традицией. Ибо цивилизации, согласно тезису французского историка Ф. Броделя, есть проявления глубинного слоя актуальной культурной геологии, они – «самый древний персонаж человеческой истории», «старец, патриарх мировой истории» [Бродель 1992, 60], существующий во «времени большой длительности».

В современную европейскую научную мысль концепт «государства-цивилизации» пришел с книгой британского независимого исследователя М. Жака, который несколько лет преподавал в университетах Китая и Японии, а позднее стал научным сотрудником Центра международной стратегии и дипломатии Лондонской школы экономики. Его труд под названием «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка», который увидел свет в 2009 г., стал неожиданным открытием для европейского научного сообщества. М. Жак обратил внимание на то, что Китай не является национальным государством в европейском смысле этого термина, – впрочем, так же как Индия и большинство неевропейских государств. Однако стоит отметить, что в теоретическом плане эта идея возникла не внезапно. Ее подготовил С. Хантингтон, который в своем известном труде [Хантингтон 1996] актуализировал цивилизационный аспект анализа международных отношений после окончания холодной войны тезисом о столкновении цивилизаций. М. Жак в своей работе конкретизировал данный тезис на примере подъема Китая, который, по его мнению, обозначил состояние «раскола современности», открыл «новую эру оспариваемой современности» (a new era of «contested modernity») [Jacques 2012, 11], бросив вызов европейской цивилизации модерна и универсалистскому проекту развития.

На публикацию М. Жака активно откликнулись сами китайские ученые, для которых перестройка мировой системы в сторону многополярности совпала с необходимостью обосновать новую суверенную парадигму развития страны. Наиболее известной работой в данном направлении стала книга китайского профессора Чж. Венвэй «Китайская волна: подъем цивилизационного государства», которая получила широкий отклик в европейском интеллектуальном пространстве. В 2017 г. китайского ученого пригласили в один из старейших университетов Германии – Международный университет Шиллера, где он прочитал лекцию по тематике своей книги, после которой прошла дискуссия в рамках мероприятия «Диалог цивилизаций» по посредничеству между Китаем, США и другими странами.

Признавая своеобразие Китая как тысячелетней цивилизации, европейские ученые, однако, остались в рамках прогрессистской идеологии и сочли, что цивилизационный акцент есть дань «до-современности» как пройденному этапу в эволюции политической и социальной реальности. Ч. Венвэй, напротив, утверждает, что «цивилизационное государство» представляет собой новую модель развития и новый политический дискурс, «которые в совокупности открывают новую страницу в истории человечества» [Weiwei 2012, 174].

В отличие от индивидуалистической основы национального государства, идея «государства-цивилизации» имеет холистскую природу и опирается на синергию культурной традиции и переосмысления западной концепции ценностей демократии и прав человека.

Европейский взгляд на сущность государства, по сути, конфронтационный, он видит в государстве неизбежное зло, которому нужно противостоять. В китайском же сознании государство воспринимается в этической парадигме как добродетель. Оно должно сохранять единство «больших пространств», характерных для цивилизационных государств, способствовать формированию солидарности между его многонациональными составными частями и интегрировать усилия для успешного развития экономики в обстоятельствах, не слишком благоприятных условий проживания.

Исторически особая ценность категории «общего» в китайском обществе оформилась как реакция на необходимость координировать усилия в борьбе со стихией, ярким примером которой было обуздание мощи двух великих рек Янцзы и Хуанхэ, имеющих решающее значение для китайской экономики и выживания народа. Такие факторы, как указывал представитель французской школы «Анналов» Ф. Бордель, создают фундаментальные основы цивилизаций, отражая давление «материальной цивилизации», формируя «структуры повседневности» и порождая «диалектику возможного и невозможного» в конкретно заданных природных рамках существования.

Сохранение цивилизационной природы китайского государства сегодня позволяет не только решить важнейшие внутренние проблемы страны, но и предложить миру новый проект грядущего развития. В современном Китае в рамках неоконфуцианства продвигается идея обновления фундаментального принципа солидарности «всех под небесами» (Тяньси) в формате «Тяньси 2.0», который предполагает не только пересмотр основы внутрикитайского единства под лозунгом «одна система, разные модели», но и преобразование мирового порядка через воплощение принципа «один мир, разные цивилизации» [Хи 2018].

Если в основе Вестфальской системы потенциально был заложен принцип конкуренции и стремления к гегемонии, то китайская идея «Тяньси 2.0» подразумевает согласование действий разных государств, однако Запад воспринимает ее как «новый китайский универсализм» и претензию Китая на мировое господство. Китайскую инициативу трактуют как стремление создать «всеохватывающую систему управления с центральной ролью в ней синоферы и мировым правительством под предводительством Китая» [Jain 2021, 102]. Поскольку исходной точкой для такой внешнеполитической программы развития стала концепция «цивилизационного государства», последнее рассматривают как фундаментальную угрозу всему неолиберальному проекту. Тем не менее, западноевропейское научное сообщество единодушно признает, что идея цивилизационного государства оказалась наиболее органичной именно для Китая, который считают едва ли не единственной высокой культурой человечества, обладающей тысячелетней непрерывной традицией. К тому же, китайское государство – едва ли не единственное, в котором исторические границы полностью совпадают с цивилизационными.

В отношении Индии складывается более сложная ситуация, которая и внутри, и вовне вызывает острые дискуссии о том, какой путь должна избрать страна – путь «государства-цивилизации» или «национального государства», близкого к европейскому образцу. Помимо длительного британского влияния, немаловажную роль в данном интеллектуальном сомнении играет прерывистость истории индийской цивилизации, отмеченной исчезновением первоначальной культуры долины Инда, а также пестрота современных культурных практик на территории страны, которая затрудняет их отнесение к единой цивилизации.

Что касается России, то универсалистская формула национального государства оказалась мало или вовсе не применимой к российским реалиям, так как она стимулирует дезинтеграцию страны и распад государственности. В то же время другая исторически релевантная политическая идея – идея империи – в период торжества неолиберализма

повсеместно подвергалась резкой критике. Находясь под сильным идейным влиянием западной мысли, Россия в конце XX – начале XXI в. не видела возможности вернуться к имперскому образцу существования. На данном фоне отмечались попытки ввести в научный оборот такие абстрактные конструкты, как «региональная интеграция» [Некlessа 2013] или «импероподобное образование» [Фурсов 2011], которые должны были обозначать новую форму российского политического устройства.

После того, как В.В. Путин в 2013 г. впервые использовал термин «государство-цивилизация» применительно к России, во многих западных работах, посвященных проблеме возвращения цивилизационной тематики в научную повестку, появились разделы, анализирующие «российское евразийское государство-цивилизацию» и перспективы его развития [Coker 2019; Pabst 2019; Jain 2021; Therborn 2021]. Главное преимущество новой концепции, несомненно, состоит в том, что благодаря интенсификации культурного синтеза в условиях огромной территориальной протяженности и этнического многообразия России цивилизационный ракурс анализа позволяет решить основную экзистенциальную проблему ее многоконфессионального и климатически мозаичного бытия – проблему связности в пространстве и историческом времени.

Помимо Китая, Индии и России, о своей приверженности идее цивилизационного государства в последнее годы все явственнее заявляют другие страны. Среди них выделяется Турция, которая стремится использовать возникший «геополитический вакуум» на Ближнем Востоке и в Центральной Азии для узко прагматических целей расширения зоны своего влияния. Исследователь в области ближневосточной политики Ньюкаслского университета Р. Аль-Хафид заявляет, что современное человечество находится на пороге радикальных перемен, которые изменят культурный и стратегический ландшафт мира постмодерна. Упадок национального государства и проект «цивилизационного государства», которое определяется через призму общей культуры и общих ценностей, позволяет Турции сформулировать новую интеллектуальную платформу – «гибридную доктрину, сочетающую национальный дискурс с внешним культурным посланием». Результатом должно стать создание своего рода «регионального жизненного пространства», однако не путем военного вмешательства, как было в XX в., а на основе прочных культурных и социальных связей с соседними регионами. По словам Р. Аль-Хафида, Турция имеет все шансы стать центром нового объединения, так как обладает «всеобъемлющей письменной историей совместного существования этих стран на протяжении пяти веков во всех ее мельчайших деталях». Речь идет об османских архивах, которые включают в себя 150 миллионов документов – они и должны стать фундаментом нового «тюркского мира» [Rabee Al-Hafidh 2020].

К этой четверке государств, каждое из которых по-своему восприняло формулу «государства-цивилизации», начинают присоединяться новые страны, у которых пока нет глубокой концептуализации данного понятия. Среди них, например, Египет. «После десятилетий тяжелых поисков политического самоопределения, Каир вырабатывает сегодня новый идеологический дискурс и нацелен на строительство “государства-цивилизации” с его особым культурным, историческим и политическим нарративом, отвергающим культурное доминирование Запада», пишет ученый-исследователь Института Среднего Востока в Вашингтоне М. Сулейман [Soliman 2021]. Египет, полагает он, хочет присоединиться к формирующемуся клубу наций, включающих сегодня Китай, Россию и Индию. Они сосредотачивают свои усилия на цивилизационной перспективе, возрождают традиционные ценности и историческое наследие, которые коренным образом расходятся с постнациональным, пострелигиозным и мультикультурным мировым неолиберальным порядком.

От «государства-цивилизации» к «мир-цивилизации»

С развитием цивилизационного процесса становится все более очевидным формирующийся императив перехода к новой, макрорегиональной структуре мирового сообщества, которую наиболее адекватно можно выразить не столько модусом «государства-цивилизации», сколько более широким понятием «мир-цивилизация». Подобную формулировку впервые обозначил французский историк Ф. Бродель, в трудах которого она присутствует в виде специфической лексической конструкции «мир с тире» («мир-»). Она встречается у него в нескольких сочетаниях: «мир-экономика», «мир-цивилизация», «мир-культура», «города-миры». Сочетание «мир-цивилизация» отражает взаимопроницаемость и глубокий симбиоз разных сфер социальности – экономической, политической, культурной, социологической. Данная конструкция, как поясняет Бродель, означает самодостаточность, независимость от других таких же образований, «в общем некий мир в себе, некую целостность» [Бродель 1992, 14]. Ее особый смысл состоит в том, что она концентрирует внимание на единстве структур в пространстве и их устойчивости во времени, а также способствует сосредоточению на внутренней сплоченности, что важно для понимания существования цивилизаций, которые находятся в процессе преобразования или восстановления.

Введение категории «мир-цивилизация» в современную политическую риторику позволяет указать на расширение области цивилизационного охвата и сферы цивилизационного воздействия, которые выходят за границы конкретно-политических интерпретаций государственности, а также за границы наций или этносов. Новое понятие снимает внутреннее семантическое и логическое противоречие концепта «государство-цивилизация», которое возникает между составными элементами данного термина, опирающимися на разные основания: сугубо институциональное толкование «государства», преобладающее в западной мысли, и духовно-культурный базис «цивилизации».

«Мир-цивилизация» может охватывать несколько политических образований, множество национальных и этнических сообществ. О том, что данный смысл уже присутствует в политической реальности, свидетельствует тот факт, что в политико-философском дискурсе появилось такое понятие, как «синосфера» (Sinosphere) [Fogel 2009]. Оно предполагает социокультурное единство целого кластера стран Юго-Восточной Азии, в роли цивилизационного фундамента которого выступает китайская иероглифическая письменная традиция. К области «синосферы», или китайского «мира-цивилизации», в настоящее время причисляют культуры таких стран, как Корея, Япония и Вьетнам.

Недавно данную идею восприняла практическая политика, в результате чего она стала оформляться в виде концепта «китайского мира». Его исходные мотивы были отмечены уже в Средневековье. Указывая на грядущую возможность Китая образовать обширный территориальный «мир-цивилизацию», Ф. Бродель отмечал, что с самого начала Китай окружил себя «гирляндой» зависимых государств – Кореей, Вьетнамом, Тибетом, Монголией [Бродель 1992, 480]. Такое единение признается до сих пор, так как Китай имеет культурное-мировоззренческое влияние на Корею, Японские острова и на северный Вьетнам – районы, которые сближает материальная цивилизация, основанная на сельском хозяйстве с влажным рисом, а также исторически сложившаяся руководящая традиция классического канона конфуцианской философии.

Интегрирующим моментом для всех стран синской цивилизации стала этическая система понятий, центральное место в которой занимают категории долга и гармонии, что формирует характерный для этого региона социоцентризм. Европейский акцент на индивидуализме в системе заменяет идеал соразмерности и согласованности, особое внимание уделяется взаимоотношениям и коллективным действиям, создающим

такое глубинное единение. Дуализму добра и зла, характерному для западного наследия, противопоставляется стремление избежать антагонизмов в политических решениях, предпочитая конфронтации и обострению мягкое согласование позиций. Ориентация на гармонию в совокупности с долгосрочным планированием – ведущий принцип внешне-политического курса Китая.

Также важной для области «синосферы» стала китайская иероглифическая письменность, которая долгое время была языком общения во всем регионе для образованной части общества, создавая общее культурное поле поверх национальных границ. Идеографическая система письма остается составной частью классического образования Восточной Азии. Японская письменная культура и поныне включает в себя ряд китайских иероглифов, а в Корейском университете Сеула студенты при поступлении обязаны знать в обязательном порядке около 2000 китайских иероглифических символов [*Тернборн* 2015, 22–25]. Кроме того, именно классическое образование лежит в основе меритократической системы административного отбора, которая сохранилась и признается не только в Китае, но также получила распространение в соседних с ним Корее и Вьетнаме. Такое общее цивилизационное наследие на самом деле может стать основой для утверждения структуры совокупного «китайского мира».

Потенциально схожая ситуация исторически существовала в цивилизационном ареале «индийского мира». Ф. Бродель отмечал, что Индия уже во времена Средневековья превратила Индийский океан в свое внутреннее море от восточного побережья Африки до берегов Индонезии подобно Средиземноморью, создав тем самым основу собственного «сверхбольшого пространства» [*Бродель* 1992, 480]. В настоящее время индийское влияние частично распространяется на современную Индонезию, Камбоджу, Таиланд и Мьянму, которых некогда роднила общность санскритского языка. Данные государства заимствовали свою письменность из Индии, она легла в основу бирманского, кхмерского и лаосского алфавитов. Глубокое влияние индийской культуры проявляется также в формате официальных государственных церемоний: тайские короли и ныне традиционно нарекаются божественным именем Рамы.

В то же время общецивилизационная индийская идентичность находится под вопросом. Несмотря на недавние попытки лингвистической и культурной повторной санскритизации, сама индийская цивилизация имеет хрупкую преемственность. Ее центральным религиозным компонентом когда-то был буддизм, но его заменил индуизм. Отсутствие государственной централизации маргинализирует ритуальные индуистско-буддийские концепции как в самой Индии, так и в тех странах, на которые сегодня все больше распространяется влияние соседнего Китая [*Therborn* 2021, 231-232].

Помимо религиозных противоречий, ситуация осложняется последствиями глубокой колониальной травмы. Одним из итогов британского наследия стало замещение санскрита через широкое распространение английского языка среди высшей элиты страны, что порождает раскол внутри самой Индии. Он имеет исторические корни. Немалую роль в его формировании сыграли инициативы историка и члена колониальной администрации Британской Индии Т. Маколея, родоначальника создания новой образовательной системы. Она преследовала прагматические цели формирования класса посредников между англичанами и туземным населением, «класса людей, индийцев по крови и цвету кожи, но англичан по вкусам, мнениям, нравам и интеллекту» [*Macaulay* 1835]. Через данный класс, говорил Т. Маколей, Британия может усовершенствовать местные диалекты страны, обогатить их научными терминами, заимствованными из западной номенклатуры, и постепенно сделать эти термины пригодными для передачи знаний широким массам населения. Выступая против распространения санскрита в индийских учебных заведениях, он

писал, что «одна полка хорошей европейской библиотеки стоит всей местной литературы Индии и Аравии» [Macaulay 1835]. Усилия Т. Маколея принесли свои плоды. Несмотря на то, что индийская элита, воспитанная на английской системе образования, в XX в. восстала против Британии, те, кто получил «маколеевское образование», гордятся им и поныне. Сегодня большая часть индусов, ставших оппонентами политической идеи «государства-цивилизации» и выступающих за «европейский путь» национального государства, относят себя к тем, кто следовал британскому образовательному стандарту.

Идея Ф. Броделя о «гирлянде государств» как характерной черте китайского и индийского регионов получила неожиданное развитие в современных исследованиях Юго-Восточной Азии. Так, американский историк восточных цивилизаций Т. Чунг в духе обновленной геополитической теории полагает, что Китай и Индия сегодня являются «цивилизационными близнецами Гималайской сферы» [Chung 2015]. Основание для данного предположения он видит в том, что каждая из этих культур рождена в долинах двух великих рек – Инда и Ганга в Индии и Янцзы и Хуанхэ в Китае. Их устья очерчивают контуры, соответственно, «сферы индийской» и «сферы китайской» цивилизаций, не имеющих аналогов в Западном полушарии. Именно такой «сферический» абрис, утверждает он, ведет к устойчивости культурных традиций на больших пространствах азиатского мира – в отличие от конъюнктурных циклов эволюции государств европейского типа по типу «подъем-расцвет-упадок». Результатом, заключает он, становится приверженность восточных государств пути «государства-цивилизации» в ущерб пути «национального государства», что составляет коренное различие Востока и Запада.

Идея «мир-цивилизации» может оказаться плодотворной и для России. Ее цивилизационная субъектность сопряжена с географическим регионом северной Евразии, что, по единодушному признанию западных экспертов, отличает ее от Китая и Японии, где цивилизация и государство исторически совпадали, а также от евро-американской цивилизации, которая имеет идеологическую природу, связанную с либеральным и неолиберальным проектом. Россия отличается тем, что на ее территории длительное время сосуществует огромное количество этносов и национальностей. Данное разнообразие намного превосходит индийское и китайское. Если к упомянутому фактору добавить полиэтничность сопряженных пространств, которые потенциально представляют собой вероятный российский «мир-цивилизацию» в силу долговременных экономических, культурных и исторических связей, то проблема становится еще очевиднее. В данном контексте идея «мир-цивилизации» представляется действенной для предотвращения центробежных тенденций в развитии этнонациональных идентичностей, равно как и для создания основы консолидации исторически и культурно общего «сверхбольшого» российского пространства.

Заключение

Появление в теоретическом дискурсе о цивилизации новой концепции «государства-цивилизации» многие западные исследователи рассматривают как угрозу неолиберальному порядку – и прежде всего концепции «государства-нации». Такое опасение, а также то, что евро-американский «мир-цивилизация» все более очевидно теряет «монополию на ценность», заставляет западных ученых в порядке самообороны сконцентрировать свои усилия на ренессансе и переосмыслении концепции собственной западной идентичности в новых исторических условиях. Возникают сожаления по поводу того, что за завесой универсализма Европа утратила собственное лицо и свою европейскую сущность, превратившись в некую формальную модель, «абстрактную операционную систему» для

тестирования возможности ее использования в разных регионах мира. Распространяется убежденность в том, что напрасно «западные общества пожертвовали своими специфическими культурами ради универсального проекта» [Maçães 2020]. Осознавая неотвратимость возрождения дискурса цивилизации в глобальном масштабе, европейские политики стремятся вписаться в новую мировую повестку и заявляют о том, что Европа, которая долгое время хотела порвать с «логикой цивилизации», ныне готова к тому, чтобы принять новую цивилизационную парадигму.

Данные процессы подтверждают тезис о том, что евро-американский «мир-цивилизация» – вовсе не высшая цель всемирной эволюции и обязательный «паттерн» для усвоения странами «остального мира», не проект с универсалистским призванием. Она – всего лишь одна из многих локальных цивилизаций наряду с другими, такая же «мир-цивилизация» макрорегионального характера, как и российский, китайский и индийский «мир-цивилизации». Особенность европейской макросистемы состоит прежде всего в том, что волею судеб она оказалась историографически лучше описана, нежели другие. Второй ее характерной чертой является то, что благодаря своей активности, переходящей в историческую агрессивность, она сумела перешагнуть через Атлантику и начать историю Европы заново на новом континенте, расширившись таким образом до евро-американского «мира-цивилизации», мессианский характер которого создал претензию на универсальность. Сегодня, однако, становится ясно, что данная локальная цивилизация, возможно, исчерпала свой энергетический импульс и достигла некоторых пределов экстенсивного расширения. Возникают новые центры силы, среди которых прежде всего выделяются такие крупные «мир-цивилизации», как Китай, Россия и Индия. Они находятся на пути самоидентификации, которая неизбежно приведет к новому абрису мирового порядка, главными чертами которого, несомненно, будет многополярность и многоцивилизационность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродель Ф. (1992) *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс. 680 с.
- Некlessа А. (2013) Преодоление Евразии // Развитие и экономика. № 5. С. 162. (<http://devec.ru/almanah/5/1307-aleksandr-neklessa-preodolenie-evrazii.html>).
- Терборн Й. (2015) *Мир. Руководство для начинающих.* М.: Изд-во ВШЭ. 336 с.
- Фурсов А.И. (2011) Будущее русской государственности: НАЦИЯ? ЦИВИЛИЗАЦИЯ? ИНОЕ? // Российская Федерация сегодня. № 6. С. 25–27. (http://www.политуправление.рф/arhiv/avtoritet/person/Fursov_nation.html).
- Цыганков А.П. (2017) Цивилизационная геополитика на рубеже эпох // Россия в глобальной политике. № 2. (<https://globalaffairs.ru/articles/sosredotochenie-ne-po-gorchakovu/>).
- Al-Hafidh R. (2020) Rise of the Civilizational State in Post-Nation-State Middle East // Daily Sabah. May 29. (<https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/rise-of-the-civilizational-state-in-post-nation-state-middle-east>).
- Cho K. (2009) The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? // Knowledge. Economics & Finance. October 21. (<http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state-1370>).
- Chung T. (2015) The Path of “Civilization State” as Against the Road of “Nation State” // Shanghai Daily. November 20. (<https://archive.shine.cn/opinion/The-path-of-civilization-state-as-against-the-road-of-nation-state/shdaily.shtml>).

- Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilisational State*. Cambridge: Polity Press. 224 p.
- Fogel J. (2009) *Articulating the Sinosphere*. Cambridge: Harvard University Press. 216 p.
- Jacques M. (2012) *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books. 848 p.
- Jain A. (2021) Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. Summer. Pp. 93–125.
- Kumar R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // *Hérodote : stratégies, géographies, idéologies*. No. 10. Pp. 43–60. (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut>).
- Maçães Br. (2020) The Attack Of The Civilization-State // *Noema Magazine*. June 15. (<https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/>).
- Macaulay T.B. (1835) Minute. Dated 2nd February. (http://www.columbia.edu/itc/mealc/pritchett/00generallinks/macaulay/txt_minute_education_1835.html).
- Pabst A. (2019) China, Russia and the Return of the Civilisational State // *New Statesman*. 2019. 8 May. (<https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>).
- Soliman M. (2021) The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt's Civilization-State // *Middle East Institute*. September 16. (<https://www.me-policy.org/2021/09/16/the-return-of-the-pharaohs-the-rise-of-egypts-civilization-state/>).
- Therborn G. (2021) States, Nations, and Civilizations // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. No. 14. Pp. 225–242.
- Weiwei Zh. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation. 208 p.
- Xu J. (2018) The New Tianxia: Rebuilding China's Internal and External Order // In: Xu J. *Rethinking China's Rise*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 88–113.

REFERENCES

- Al-Hafidh R. (2020) Rise of the Civilizational State in Post-Nation-State Middle East. *Daily Sabah*. May 29. (<https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/rise-of-the-civilizational-state-in-post-nation-state-middle-east>).
- Brodell F. (1992) *Vremya mira. Material'naya civilizaciya, e'konomika i kapitalizm. XV-XVIII vv.* [Time of the World. Material Civilization, Economy, and Capitalism. XV-XVIII Centuries]. Vol. 3. Moscow: Progress. 680 p.
- Cho K. (2009) The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? *Knowledge. Economics & Finance*. October 21. (<http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state-1370>).
- Chung T. (2015) The Path of “Civilization state” as Against the Road of “Nation State”. *Shanghai Daily*. November 20. (<https://archive.shine.cn/opinion/The-path-of-civilization-state-as-against-the-road-of-nation-state/shdaily.shtml>).
- Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilisational State*. Cambridge: Polity Press. 224 p.
- Fogel J. (2009) *Articulating the Sinosphere*. Cambridge: Harvard University Press. 216 p.
- Fursov A.I. (2011) Budushhee russkoj gosudarstvennosti: NACIYA? CIVILIZACIYA? INOE? [The Future of Russian Statehood: A NATION? CIVILIZATION? SOMETHING DIFFERENT?]. *Russia Federation Today*. no. 6, pp. 25-27. (http://www.политуправление.рф/архив/авторитет/person/Fursov_nation.html).
- Jacques M. (2012) *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books. 848 p.
- Jain A. (2021) Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. Summer, pp. 93–125.

- Kumar R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? *Hérodote: stratégies, géographies, idéologies*. no. 10, pp. 43–60. (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut>).
- Maçães Br. (2020) The Attack Of The Civilization-State. *Noema Magazine*. June 15. (<https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/>).
- Macaulay T.B. (1835) *Minute*. Dated 2nd February. (http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00generallinks/macaulay/txt_minute_education_1835.html).
- Neklessa A. (2013) Preodolenie Evrazii [Overcoming Eurasia]. *Razvitie i ekonomika*. no. 5, pp. 162. (<http://devec.ru/almanah/5/1307-aleksandr-neklessa-preodolenie-evrazii.html>).
- Pabst A. (2019) China, Russia and the Return of the Civilisational State. *New Statesman*. May 8. (<https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>).
- Soliman M. (2021) The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt's Civilization-State. *Middle East Institute*. September 16. (<https://www.me-policy.org/2021/09/16/the-return-of-the-pharaohs-the-rise-of-egypts-civilization-state>).
- Therborn G. (2015) *Mir. Rukovodstvo dlya nachinayushchih*. [The World. A Beginner's Guide] Moscow: Izd-vo VSHE. 336 p.
- Therborn G. (2021) States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. no. 14, pp. 225–242.
- Tsygankov A.P. (2017) *Civilizacionnaya geopolitika na rubezhe epoh* [Towards a New Strategy of Civilisational Concentration]. *Rossiya v global'noj politike*. no. 2. (<https://globalaffairs.ru/articles/sosredotochenie-ne-po-gorchakovu>).
- Weiwei, Zh. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapur: World Century Publishing Corporation. 208 p.
- Xu J. (2018) The New Tianxia: Rebuilding China's Internal and External Order. In: Xu J. *Rethinking China's Rise*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 88–113.

Информация об авторе

Спиридонова Валерия Игоревна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: Гончарная ул., д. 12, стр. 1, Москва, 109240. E-mail: vspirid@yandex.ru

About the author

Valeria I. Spiridonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IF RAS). Address: 109240, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. E-mail: vspirid@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.02.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 04.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 11.05.2022